

Безличность = иррациональность? (славянские языки и теория А. Вежбицкой)

Поляков Дмитрий Кириллович

студент

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: vbnz2005@yandex.ru

В последнее время в русистике появилось немало работ, инспирированных оригинальными исследованиями А. Вежбицкой по проблемам соотношения языка и национального характера, ср. напр. [Захарова 2002], [Сюань Чжиинь 2006].

А. Вежбицкая и ее последователи постулируют закрепление национального общественного опыта «в виде понятий, передаваемых концептами» [Захарова 2003: 171], при этом для каждого языка характерен определенный набор ключевых концептов. Для русского языка это эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [Вежбицкая 1997: 33]. Функцией передачи ключевых концептов наделяются определенные синтаксические единицы, для русского языка – безличные предложения, распространенность которых, по А. Вежбицкой, говорит о склонности русских к пассивности и смирению.

Работы А. Вежбицкой встретили в русистике как положительные, так и отрицательные отклики, среди наиболее аргументированных критических отзывов – статьи [Золотова 2000] и [Тарланов 1998].

Нам бы хотелось подойти к проблеме безличности с позиций не только русского, но и других славянских языков, в которых так наз. «безличные предложения» являются довольно распространенным типом.

А. Вежбицкая делит синтаксис на два типа: с номинативными / номинативоподобными конструкциями, выражающими волевое начало, и с дативными / дативоподобными конструкциями, выражающими пациентивность (бессилие).

В славянской перспективе возникает вопрос – справедливо ли такое разделение, по крайней мере, на синхронном уровне? В какую группу отправятся предложения типа *светает, морозит* – или стоит домыслить им подлежащее, доказав «номинативность» такой конструкции (как это, впрочем, не вполне убедительно, делала когда-то сама А. Вежбицкая [Wierzbicka 1966]). Неясным остается положение распространенных в западно- и южнославянских языках предложений, выражающие неопределенного производителя действия: чеш. *tam se tančí*, польск. *tam się tańczy*, с.-хорв. *tamo se igra* ‘там танцуют’, букв. *‘там танцуется’. Эти конструкции похожи на русский тип *об этом не раз говорилось*, но в русских конструкциях эксплицитное выражение субъекта возможно, ср. *многими учеными уже говорилось об этой проблеме*, в западно- и южнославянских языках оно исключается.

По нашему мнению, без подробного рассмотрения различных типов бесподлежащих предложений в разных славянских языках невозможно делать выводы (тем более настолько глобальные), касающиеся одного из этих языков. Материал славянских языков заставляет нас поставить следующие вопросы: 1. Все ли подлежащие предложения агентивны, выражают активную позицию субъекта? 2. Лидирует ли русский язык по количеству типов безличных предложений? 3. Не модифицируется ли значение синтаксической конструкции контекстом (который, например, может утверждать активную позицию субъекта-агенса)?

1. К утверждению о «волитивности», агентивности любых подлежащих предложений ведет неразличение подлежащего и семантического субъекта / носителя предикативного признака. Однако и предложение с подлежащим в номинативе может быть «инволютивным» (термин Г.А. Золотовой). Ср. пары: (а) *Я хочу пить. ∴ Мне хочется пить.* и (б) *Я вспомнил школу. ∴ Мне вспомнилась школа.* Модификация с дополнительным модальным оттенком желания широко распространена, например, в сербохорватском языке: (в) *Želim da pijem. ∴ Pije mi se.* (г) *Želim da (po)pijem kavu. ∴ Pije mi se kava.*

2. Тезис А. Вежбицкой о «феноменологизме» русского языка, т.е. наибольшей распространенности в нем пациентивных предложений, требует как минимум уточнений.

Различные типы безличных предложений и их комбинации имеют в каждом славянском языке разный потенциал. Количество и распространенность в каждом славянском языке синтаксических показателей инволютивности (не обязательно безличных!) может (и должна) стать темой отдельного исследования.

Например, частотная русская модель *Ветром унесло лодку* не имеет регулярных соотношений в других славянских языках. В то же время украинский язык располагает инструментальной конструкцией типа *Василем тіпало*, для выражения оптативной модальности сербы и хорваты используют конструкции типа *Снава ми се* (см. выше). Тип предложений с квалифицирующим наречием (чеш. *sedí se mi hezky*, рус. *нам хорошо живется*) достаточно распространен в чешском языке, но имеет ограничения в русском.

3. Рассмотрения синтаксических конструкций без выхода на уровень текста / дискурса, без учета коммуникативных намерений говорящего, обедняет исследование. Исходная семантика «синтаксического шаблона» в условиях конкретной коммуникативной ситуации, при определенном контекстном окружении может изменяться. Проиллюстрируем это двумя примерами: (д) *Что-то я есть захотел*. (е) ... *проведя тщательную разведку, нам повезло (ТВ)*. Волитивность и агентивность первого предложения элиминируется стоящим рядом «что-то» (в значении «почему-то»), как и инволютивность второго (грамматически неверная модель, однако, частотная и семантически корректная) – состояние субъекта, выраженное деепричастием, является прямым следствием предшествовавшего действия.

На уровне простой констатации остался и тезис о победе безличных конструкций над личными в русском узусе и о дальнейшем их «победном шествии». (Обоснованную полемику с этим утверждением см. в [Тарланов 1998]).

Итак, рассмотрение безличности на материале славянских языков показывает, что: 1) широкое распространение бесподлежащих предложений характерно для всех славянских языков; 2) «номинативность» предложения вовсе не говорит об активной позиции субъекта; 3) в современных славянских языках существуют безличные конструкции, не укладывающиеся в рамки системы «номинативный vs. дативный синтаксис»; 4) если для русского языка можно найти (хотя и с оговорками) семантический инвариант безличности – инволютивность, «конструктивно–семантическое значение произвольного состояния» [Золотова 2000: 109], то для других славянских языков такая модель не работает; 5) синтаксические конструкции необходимо изучать не только изолированно, но с учетом контекстного окружения, способного модифицировать их смысл.

Литература

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Захарова М.В.* Безличные предложения в культурологическом аспекте // Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань, 2003.
- Золотова Г.А.* Понятие личности / безличности и его интерпретации // *Russian linguistics*. 2000. № 2.
- Сюань Чжиинь* Безличные предложения и картина мира // *Русский язык за рубежом*. 2006. № 2.
- Тарланов З.К.* Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // *Филологические науки*. 1998. №5–6.
- Wierzbicka A.* Czy istnieją zdania bezpodmiotowe? // *Język polski*. 1966. №3.